

The Problem of Defense of the Civilian Population in the Course of War:

Hugo Grotius's Doctrine

LE PROBLÈME DE LA PROTECTION DE LA POPULATION CIVILE AU COURS DE LA GUERRE:

LA DOCTRINE DE HUGO GROTIUS

Проблема Защиты Мирного Населения в Ходe Войны:

Доктрина Гуго Гроция¹

Волков Сергей Юрьевич

Abstract: The article deals with principles of the defense of the civilian population in the course of the military operations suggested by the founder of the science of international law Hugo Grotius. It analyses Grotius's views on the most typical violations of the rights of citizens, as well as ways of mitigation of consequences of war and the establishment of generally accepted norms of international humanitarian law. It studies Grotius's understanding of such phenomena as the limiting of ways of conducting hostilities, protection of property rights of the people, protection of the rights of refugees, inadmissibility of mercenarism, methods of conflict prevention.

Key words: Early Modern; International Humanitarian Law; Hugo Grotius

Résumé: Dans l'article on éclaire les principes de la protection de la population civile au cours des hostilités proposées par le fondateur de la science du droit international Hugo Grotius. On analyse les manières de voir de Grotius sur les violations les plus

¹ * Received 29 August 2009; accepted 10 September 2009

caractéristiques des droits des citoyens, ainsi que les moyens de la mitigation des effets de la guerre et l'établissement des normes généralement reçues du droit international humanitaire. On étudie la compréhension de Grotius de phénomènes tels que la restriction des moyens de la conduite des hostilités, la protection des droits de propriété de la population, la protection des droits des réfugiés, l'inadmissibilité des activités mercenaires, les méthodes de la prévention des conflits.

Mots-Clés: les premiers temps modernes; le droit international humanitaire; Hugo Grotius

Аннотация: В статье освещаются принципы защиты мирного населения в ходе военных действий, предложенные основателем науки международного права Гуго Гроцием. Анализируются воззрения Гроция относительно наиболее характерных нарушений прав граждан, а также способы смягчения последствий войны и установления общепринятых норм международного гуманитарного права. Изучается осмысление Гроцием таких феноменов, как ограничение способов ведения боевых действий, охрана имущественных прав населения, защита прав беженцев, недопустимость наемничества, методы предотвращения конфликтов.

Ключевые слова: раннее новое время; международное гуманитарное право; Гуго Гроций

Феодалные и религиозные войны XVI в., и, особенно, начальная стадия кровопролитной общеевропейской Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) со всей серьезностью поставили вопрос о необходимости введения методов и принципов военных действий в цивилизованные рамки. Эта цель преследовалась голландским ученым Гуго Гроцием (1583-1645 гг.) во время написания трактата «О праве войны и мира» (1625 г.). К сожалению, приходится констатировать, что обеспечение защиты прав мирного населения, страдающего в ходе боевых действий, а также установление общепринятых и добросовестно соблюдаемых норм международного гуманитарного права остаются актуальными проблемами и в настоящее время. Многочисленные вооруженные конфликты на современной политической арене продолжают напоминать о недостаточном внимании, проявляемом к гуманистическому наследию величайших умов прошлого.

Гуго Гроций обосновывал свои воззрения с помощью двух основных методов: во-первых, сформулировав нормы естественного права и права народов, которые должны действовать даже во время войны, нейтрализующей внутригосударственные законы; во-вторых, подчеркнув значимость общечеловеческой и христианской морали, которая ограничивают «совестью» даже юридически допустимые акты. Признавая необходимость наличия силы для проведения законов в жизнь, голландский ученый, тем не менее, считает, что даже то право, которое лишено поддержки силой, нужно соблюдать, так как следование справедливости избавляет от душевных мук и Божьего гнева².

С образованием в XVI-XVII вв. государств современного типа и падением авторитета Папы Римского трансформировалось само понимание международного права. Юристы стали предлагать более рационалистические методы урегулирования конфликтов³. Приоритет идеи христианского милосердия сменяет светский прагматизм, а предметом права становятся уже не отдельные индивидуумы, а политические образования. Как отмечает А. С. Капто, «в условиях Реформации возникает необходимость поиска новой основы для международных отношений, что не могло не сказаться на правовой трактовке войны и средств ее ведения. Новый подход

² Гроций Г. (1957). О праве войны и мира. *Госполитиздат*, С. 49.

³ Von Glahn G. (1996). Law among nations: an introduction to public international law. *Needham Heights, Massachusetts: Allyn & Bacon*, P. 25.

базировался на международном праве, названном законом человечества, и был связан с именем голландского юриста, социолога и государственного деятеля, основоположника теории естественного права и современной науки естественного права, протестанта Гуго Гроция»⁴.

Гуманистическая направленность трактата «О праве войны и мира» проявляется уже в предваряющем его Посвящении «Людовику XIII, христианнейшему Королю Французов и Наварры», в котором нарисован образ скорее идеального монарха, чем реально существующего лица. Приписывая королю милосердие к мятежным подданным, отказ от «насилия над совестью инвертерцев», поддержку своей властью «угнетенных народов и униженных государей», чистоту и непорочность в частной жизни⁵, Гроций намеренно преувеличивает его заслуги, предлагая ориентир морально поощряемых действий.

Гуго Гроций во многом опередил свое время, построив свою теорию на началах чистого разума. Он заложил фундамент гуманистических норм регулирования вооруженных конфликтов. Как отмечает известный российский специалист И. С. Андреева, «XVII век ознаменовался кровопролитными войнами между различными коалициями европейских государств. И хотя эти войны велись все еще, как правило, феодальными государствами и прикрывались подчас религиозными лозунгами, в их целях начинают сказываться интересы буржуазии. Возникают войны за рынки сбыта, осуществляется захват колоний. Но опустошения, причиняемые военными действиями, задерживают общественное развитие»⁶. В классическом труде «История дипломатии» подчеркивается, что «пальма первенства в отношении разработки науки международного права принадлежит, несомненно, Гуго Гроцию. Историческое значение знаменитого голландского юриста заключается в том, что в век бесконечных войн, сопровождаемых грабежами и разорениями, он попытался теоретически обосновать защиту буржуазной собственности и вместе с тем ввести войну в рамки права народов»⁷.

С точки зрения рационалистической концепции Гроция, разум – это главная способность в живом существе, подчиняющая себе все изначальные побуждения природы, поэтому нужно проверить на соответствие ему все вещи, которые нас касаются. «Самая цель войны – сохранение в неприкосновенности жизни и членов тела, сохранение и приобретение вещей, полезных для жизни, – вполне соответствует первым побуждениям природы...», в том числе с использованием насилия, для которого живые существа снабжены средствами самообороны (когти, зубы...)⁸. Но более важно, что «здравый разум» тоже санкционирует войну, запрещая «применение не всякого насилия, но только того, которое несовместимо с самим обществом, то есть которое нарушает само право. Ибо общество преследует ту цель, чтобы пользование своим достоянием было обеспечено каждому общими силами с общего согласия»⁹. К основным защищаемым правам Гроций относит изначальную жизнь и свободу, а также производную от права первоначального захвата частную собственность.

Предусмотрительность и забота о себе не противоречат природе общества, «пока не нарушается чужое право, и оттого сила, не нарушающая чужого право – законна», силой (по примеру зверей) – допустимый путь разрешения споров, которые не были решены «спокойным рассмотрением» (что свойственно человеку). С нормативной точки зрения, феномен войны остается для Гроция нейтральным, ее справедливый или несправедливый характер проявляется в зависимости от условий и способов ведения¹⁰. Данный тезис Гроций подтверждает ссылками на Священное писание и примерами из всей истории человечества. При этом правители должны «решительно воспрещать» бессмысленное кровопролитие. «Все сражения, не служащие ни для получения должного, ни для прекращения войны, имеют целью исключительно служить

⁴ Капто А.С. (2001). Право войны. *Право и политика*, № 1, С. 6.

⁵ Гроций Г. Указ. соч., С. 84.

⁶ Андреева И.С. (1963). Вековая мечта человечества. Трактаты о вечном мире. *Соцэкгиз*, С. 19.

⁷ В.А. Зорина. (1959). История дипломатии. Т. 1. *Госполитиздат*, С. 242-243.

⁸ Гроций Г. Указ. соч., С. 84.

⁹ Там же. – С. 85.

¹⁰ Hagenmacher P. (1983). Grotius et la doctrine de la guerre juste. *Paris: Editions de l'institut universitaire de hautes etudes internationales*, P. 63.

честолюбию силой... противоречат долгу христианина и самой человечности»¹¹. Споры между государствами предполагают необходимость некоторых взаимных уступок во избежание ненужных жертв, «ведь человеческие законы заставляют предполагать, что поставлено целью устранить самые семена войны»¹².

Гроций поддерживает мнение, что справедливыми являются войны против нарушителей естественного права. Естественное право древнее права гражданской юрисдикции, поэтому, например, защита своей территории виновником войны против ведущего справедливую войну врага противоречит справедливости. Публичные войны обычно не входят в сферу компетенции судебной власти, «потому она длится и постоянно способствует причинению новых убытков и насилий». Но автор сразу оговаривает недопустимость использования заявлений о защите естественной справедливости ради прикрытия собственных корыстных интересов: повод должен принадлежать «к числу ужаснейших и несомненных»¹³.

Для правителя особенно важно отличать оскорбления, нанесенные ему лично от преступлений против общего блага: первыми следует пренебречь. Правители обязаны беречь жизни подданных, и справедливый не начнет войну, «влекущую за собой целый клубок преступлений и посягательств» без достаточных оснований. «Редко причина возникновения войны такова, что ее или невозможно, или не должно было избегнуть», на нее можно решиться, лишь если отказ от войны несет не меньшую опасность, то есть поражение не изменит существующего тяжелого положения. Другим условием возможного объявления войны может быть с точки зрения Гроция, удобный случай и наличие достаточных сил, «когда есть надежда закончить ее путем устрашения и молвы, при полной безопасности или незначительной опасности»¹⁴.

Естественное право кроме безнаказанности на войне многих деяний позволяет в порядке справедливого возмещения ущерба захватить вещи или причинить ущерб. «Репрессалии» (захват чужого имущества) возможны: а) когда судебное решение против преступника или должника не может быть получено «в надлежащее время»; б) если суд по бесспорному делу принимает явно несправедливое решение, «ибо власть судьи по отношению к иностранцам не имеет той силы, какая принадлежит ему по отношению к подданным»¹⁵. Но вещи, захваченные в несправедливой войне, должны быть безоговорочно возвращены законным владельцам.

Дискуссионным вопросом остается для голландского ученого допустимость защиты чужих подданных против действий их собственного правителя. По мнению Гуго Гроция (со ссылкой на испанского пердшественника Франсиско Витториа), правитель волен распоряжаться в своей стране, но если он начинает творить произвол, то его подданных можно защитить. Даже если допустить, что самим подданным запрещено братья за оружие (что, по Гроцию, еще не доказано), то другие могут это сделать за них. Весьма актуальным в условиях сомнительного обоснования многих конфликтов начала XXI века выглядит предостережение автора трактата против расширительного толкования данной принципа: «нам, правда, известно из древней и новой истории, что жажда присвоения чужого достоинства пользуется такого рода предлогами, но право не прекращается сразу же оттого, что им овладевает правонарушитель»¹⁶.

Категорические возражения вызывает у Гроция практика наемничества, прочно утвердившаяся в международных отношений с глубокой древности. «Нет более бесчестного образа жизни, нежели такой, когда люди сражаются без всякой уважительной причины, исключительно ради вознаграждения... Помимо того, что люди продают свою жизнь, они продают жизни других, часто невиновных. В связи с этим они ненавистнее палачей, поскольку хуже убивать беспричинно, нежели по какой-либо причине»¹⁷. Это не означает, что абсолютно

¹¹ Гроций Г. Указ. соч., С. 85-86, 709.

¹² Там же. – С. 778.

¹³ Там же. – С. 196, 483.

¹⁴ Там же. – С. 553.

¹⁵ Там же. – С. 562.

¹⁶ Там же. – С. 563.

¹⁷ Там же. – С. 563-564.

возбрана плата за воинское умение, но преступно воевать, если добыча или награда является главной целью.

Жестокость войн раннего нового времени вызывала настоятельную потребность в регулировании прав многочисленной категории беженцев, сорванных с обжитых мест боевыми действиями и не находящих зачастую приюта и защиты. По мнению Гуго Гроция, даже в мирное время проезжающие могут на время остановиться на чужой территории в случае болезни или по другой уважительной причине. Тем более обоснованы потребности беженцев, поэтому «иностранные, изгнанные из места постоянного пребывания и ищущие убежища» должны быть им обеспечены, если готовы признавать местную власть и подчиняться другим выдвигаемым ею условиям. При сохранении прежней власти они могут занять необрабатываемые пустоши в пределах чужого государства (испросив разрешения или даже явочным порядком). Что касается вещей первой необходимости, то их без разрешения хозяина получить уже нельзя, так как, возможно, он сам находится в нужде. Но даже при условии, что местные жители сами бедствуют, беженцев изгонять нельзя¹⁸.

Гуманистическая направленность трактата «О праве войны и мира» касается не только сохранения жизни людей, но и отношения к телам после смерти, которое во многом характеризует уровень цивилизованности общества. «По праву народов, имеющему источник в человеческой воле, обязательно также погребение тел умерших»¹⁹. Оно предписывается, прежде всего, божественным правом, а внутригосударственное право поддерживает данную норму. Само происхождение обычая погребения (в форме ингумации, мумифицирования, кремации и проч.) представляется спорным, но, независимо от этого, нужно соблюдать «достоинство человеческой природы». Последнее предполагает оказание умершим погребальных почестей, «ибо противно разуму выставлять тайны человеческой природы после смерти напоказ всем, оттого мы издревле усвоили обычай погребать человеческие тела, дабы они тайно и вдали от взора истлевали в могильных склепах»²⁰. Гроций подчеркивает, что это необходимо не столько отдельному человеку, сколько «человечеству как таковому, то есть природе человеческой», поэтому хоронить следует даже тела врагов. При всем своем стремлении ограничить законные поводы к началу боевых действий он считает, что «по общему согласному мнению» (отраженному в международном праве) отказ в праве погребения может быть справедливой причиной объявления войны²¹.

Очень похвально «по-христиански» в ходе войны избегать грабежей, «которые не могут проходить без тягчайших бедствий для великого множества ни в чем не повинных людей и обычно мало способствуют главным военным успехам»²². Но, даже говоря о велениях добродетели, юрист Гуго Гроций не только морализирует и призывает к совести воюющих, но и указывает на практическую пользу соблюдения элементарных норм гуманизма в ходе войны. Его рационалистические доводы следующие: а) доведенный до отчаяния враг становится опаснее; б) привлечение сторонников в стане врагов для более прочного мира в перспективе.

Автор остается на позициях рационалистической интерпретации любых социальных явлений и анализирует их с юридическим беспристрастием, избегая эмоциональных выпадов даже против наиболее вопиющих явлений. Тем не менее, Гроций указывает, что добродетель, «столь униженная в нашем веке» может принести практические блага. Можно обложить побежденных данью не столько в целях возмещения произведенных издержек, сколько для обеспечения безопасности (и финансирования) обеих сторон: тогда не нужно грабить сдавшиеся города и имущества крестьян.

Сохранение побежденным правителям их прежней власти также «происходит не только по соображениям человечности, но зачастую также еще по соображениям благоразумия: для обеспечения спокойствия и прочного мира нет ничего полезнее, чем замыкаться в собственных

¹⁸ Там же. – С. 212.

¹⁹ Там же. – С. 439.

²⁰ Там же. – С. 442.

²¹ Там же. – С. 446.

²² Там же. – С. 721.

границах»²³. Интересно, что данный тезис фактически воспроизводится Фр. Энгельсом, который в середине XIX в. должен был доказывать германской общественности порочность фразы «Рейн нужно оберегать на берегах По», и настаивать на приоритете единства государства²⁴.

Еще более серьезные ограничения Гуго Гроций фиксирует в праве для народов, ведущих несправедливую войну. «Если причина войны несправедлива, то даже когда война предпринята в торжественном порядке, несправедливы по внутреннему смыслу и все акты, вытекающие отсюда»²⁵. При этом вся ответственность за последствия действий возлагается на совершающих, а об истинности их раскаяния в данных грехах следует судить по степени возмещения ущерба пострадавшим: «зачинщики войны обязаны к возмещению за содеянное их силами или по их совести». Причем полководцы ответственны за то, что совершено под их командованием, а солдаты – за то, в чем непосредственно участвовали.

Отношения между людьми бесконечно многообразны, особенно в период военных действий, когда перестает действовать сдерживающая сила внутригосударственных законов. Пытаться выработать специальную норму на каждый случай было бы заведомо бесполезно, поэтому голландский ученый ранжирует уровни долженствования, чтобы в конкретных обстоятельствах участники ориентировались, отталкиваясь от неизменных принципов, на возможно более гуманную форму поведения. Гуго Гроций заложил идеологическую базу просуществовавшей три с половиной века Вестфальской системы международных отношений²⁶, и, хотя дискуссии об эффективности международно-правового регулирования не утихали все это время, его заслугой стало спасение огромного количества жизней. Как справедливо замечает В. Э. Грабарь, «дух гуманности, которым проникнута вся книга Гроция, в сочетании со значительным простором, предоставленным деятельности государственных людей, сделали ее для последних желанным, приемлемым руководством, а представителям науки книга Гроция импонировала, главным образом, созданной автором стройной системой естественного права»²⁷.

Заканчивая трактат «О праве войны и мира» «увещеваниями», Гуго Гроций выражает мысль, которая была злободневной в XVII в., остается актуальной в наши дни, и, вероятно, не скоро еще станет для человечества пройденным этапом: «Некая звериная сила преобладает по большей части на войне; тем усерднее должно стремиться к тому, чтобы она смягчилась человеколюбием, пока, чрезмерно подражая диким зверям, мы не разучились быть людьми»²⁸. Таким образом, можно констатировать, что гуманистические принципы трактата «О праве войны и мира» сохранили свою актуальность и в современных условиях²⁹. Многие идеи Гуго Гроция, в том числе по поводу защиты прав мирного населения в ходе войны, оказались востребованы при составлении документов Организации Объединенных Наций, для обоснования приговоров военным преступникам II Мировой войны и других конфликтов³⁰.

Editor: B.П. Canon

²³ Там же. – С. 727, 740-741.

²⁴ Энгельс Ф. (2003). Рейн и По; Энгельс, Ф. Историческая публицистика: О военном искусстве. О теории насилия. *Эксмо*, С. 325-385.

²⁵ Гроций Г. Указ. соч., С. 689.

²⁶ А.В. Торкунова. (2001). Современные международные отношения. *РОССПЭН*, С. 70.

²⁷ Грабарь В.Э. (1946). Трактаты Гуго Гроция, посвященные международному праву. *Известия АН СССР. Отделение экономики и права*, № 1, С. 70.

²⁸ Гроций Г. Указ. соч., С. 823-824.

²⁹ Буткевич В.Г. (1984). Политико-правовые взгляды Гуго Гроция. *Советское государство и право*, № 9, С. 87.

³⁰ Von Glahn G. Op. cit., P. 23-30.